

PK-3
M-703-K.
298838

РК-3
М. 403-к
038838

КОНРАДТ

БАЛЕНРОЗ

891.85

891.85

2/12

1834.

КОНРАДЪ ВАЛДЕНРОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

О ЛЮБИМЫХЪ И ВРАЖДЕНЫХЪ ДѢЛѢХЪ

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ

1834

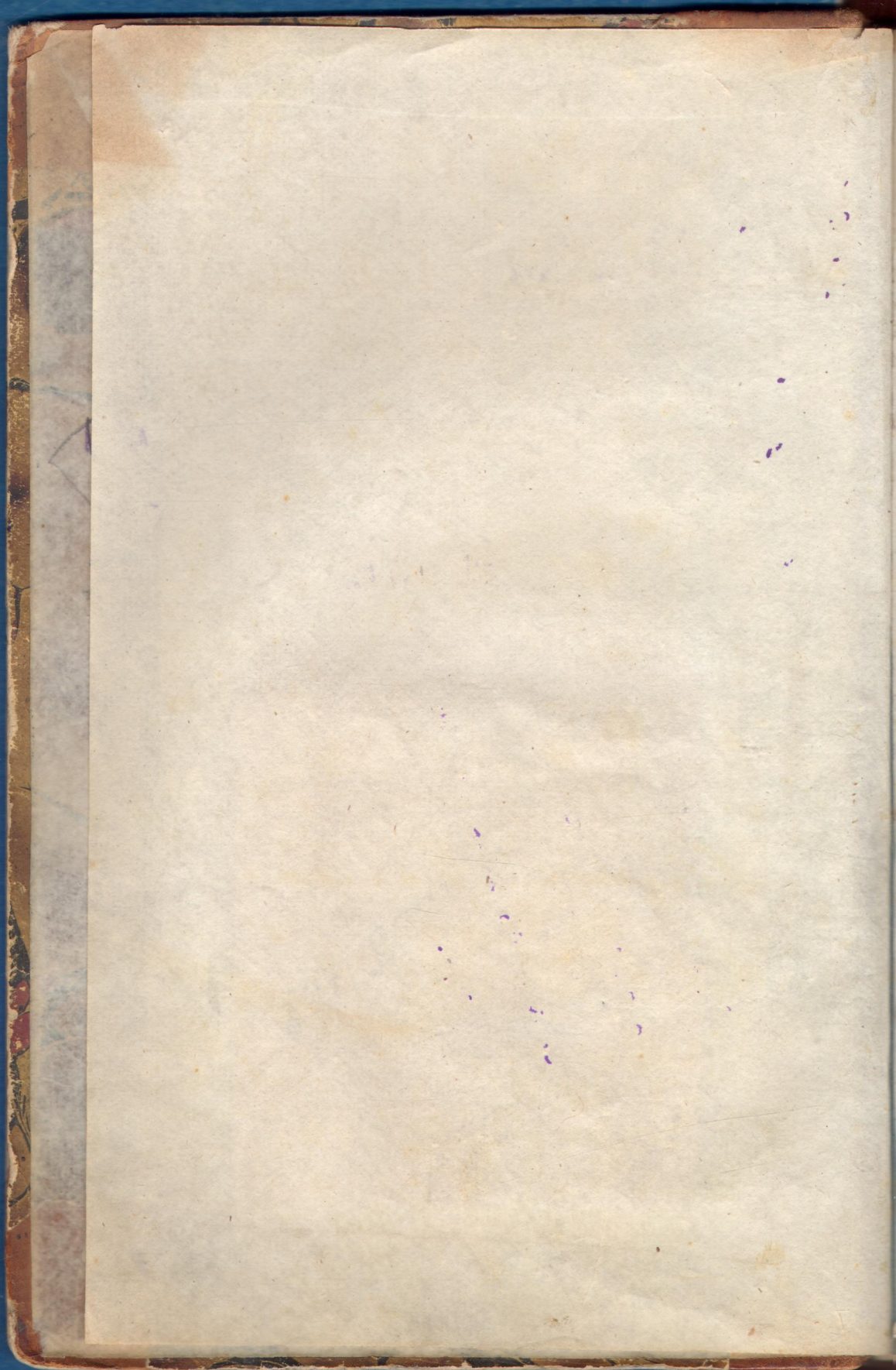
ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕЧАТНОГО ДѢЛА

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕЧАТНОГО ДѢЛА
ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕЧАТНОГО ДѢЛА

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

PK-3
M-703K.

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ИЗЪ

ЛИТОВСКИХЪ И ПРУССКИХЪ СОБЫТІЙ.

АДАМА МИЦКЕВИЧА.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Анастасій Шпигоцкій.

О, выигралъ! . . . пируй въ бояхъ, пѣвецъ! . . .
Пожаръ — твой свѣточъ; стоишь и вопль — музыка.
И, гордый! мнишь: „На ликъ мой — лавръ! вѣнецъ!“
Гдѣжь лавръ цвѣтешъ для вѣроломныхъ, лжецъ?

Викторъ Касановъ

Сараева
МОСХ.В.А.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1832.

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ
Inv. № 298832

ПЕРЕНЕНО
18 1948 г.

ПЕРЕНЕНО
1948

74
58
90
98

ВАМЪНРОДЪ КОПЬДР

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ВЪ

ИСТОРИИ И ПУТЕШЕСТВІИ

Печатать позволяется

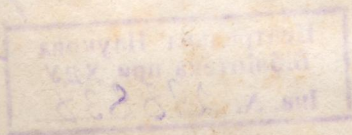
съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены были въ Ценсур-
ный Комитетъ три экземпляра сей книги. Москва.

Юля 24го дня, 1831.

Ценсоръ Сергей Аксаковъ.

В. А. Аксаковъ

Конрадъ

Валленродъ

историческая повесть

изъ

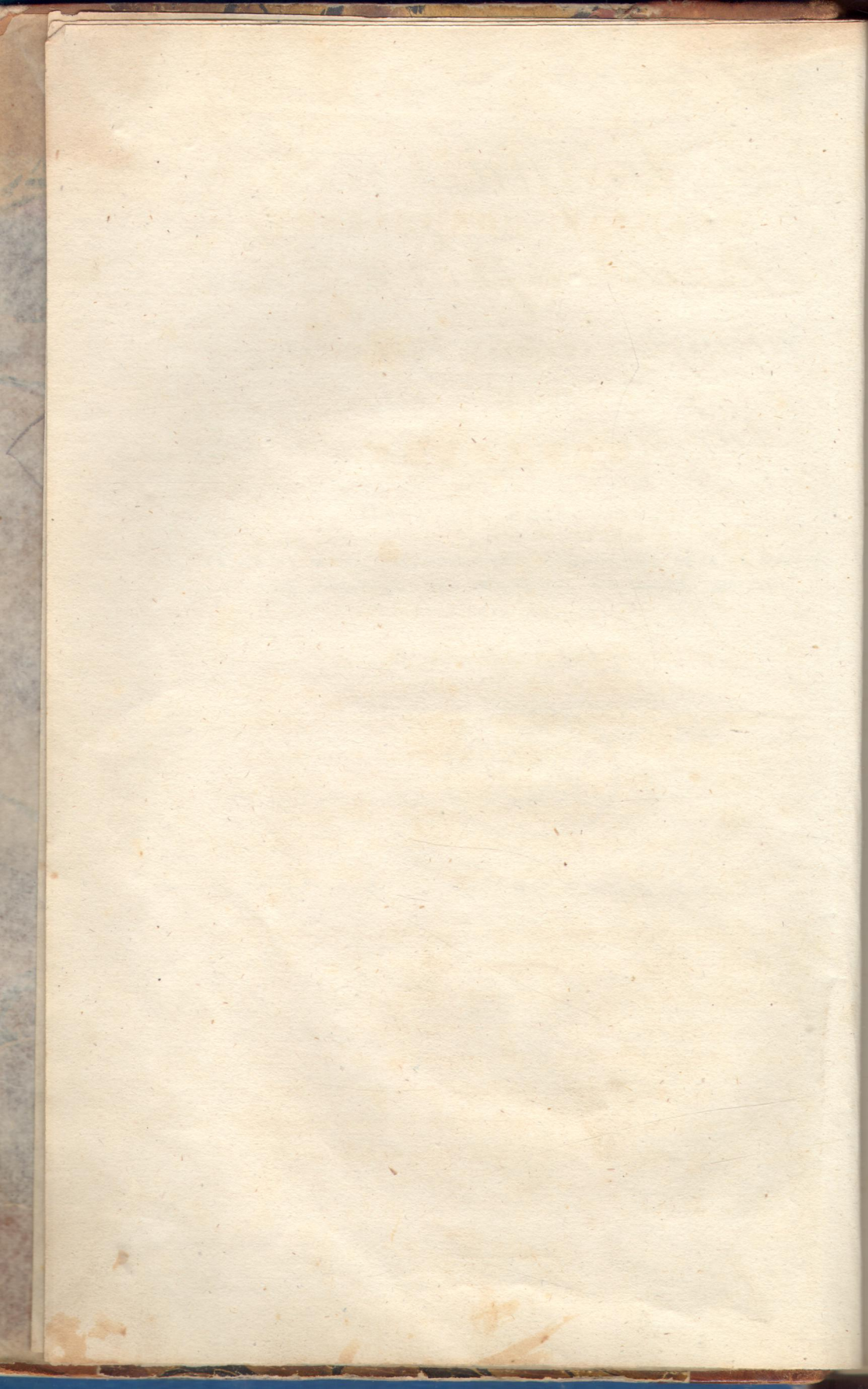
Литовскихъ и Прусскихъ событий,

Адама Мицкевича.

Переводъ съ Польскаго
Александра Горбунова.

Саратовъ

1835. —

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

БЕРДЯЕВУ.

Все по тебѣ, Украина родная!
На чуждомъ, хладномъ Сѣверѣ грущу,
И одинокъ, цвѣшь жизни убивая,
На думы пылкой юности ропщу.
Но что!... взгляни: мрачится сводъ лазурный;
Въ дубровѣ воя, вѣтръ бушуетъ бурный,
Рветъ листь, кружитъ и мчитъ въ далекій край —
Смотри, и мнѣ — тому листьку — пѣнай.

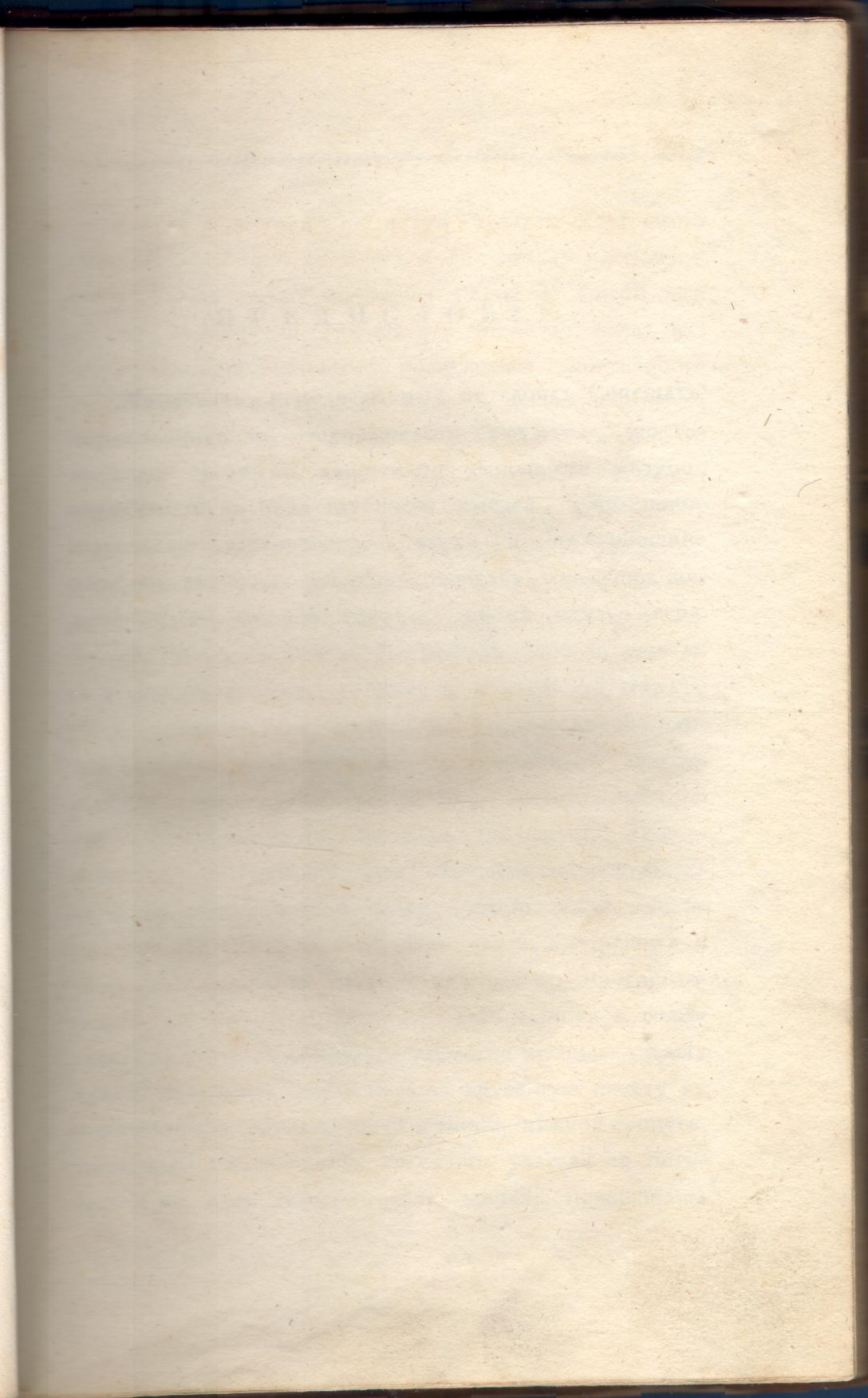
Мой взоръ пустынный все мрачнѣй, угрюмѣй.
Я лишь одной лелѣю сердце думой:
Тебѣ не чуждъ я, вѣкъ любимый мной,
Другъ мудрости, другъ истины свяшой,
Какъ нѣжный братъ, наставникъ несуровый,
Мой вождь къ добру, родной мнѣ по любви!
Судьба всѣхъ дней — мнѣ даръ безцѣнный твой:
Въ пылъ юности твѣ былъ хранишель мой.

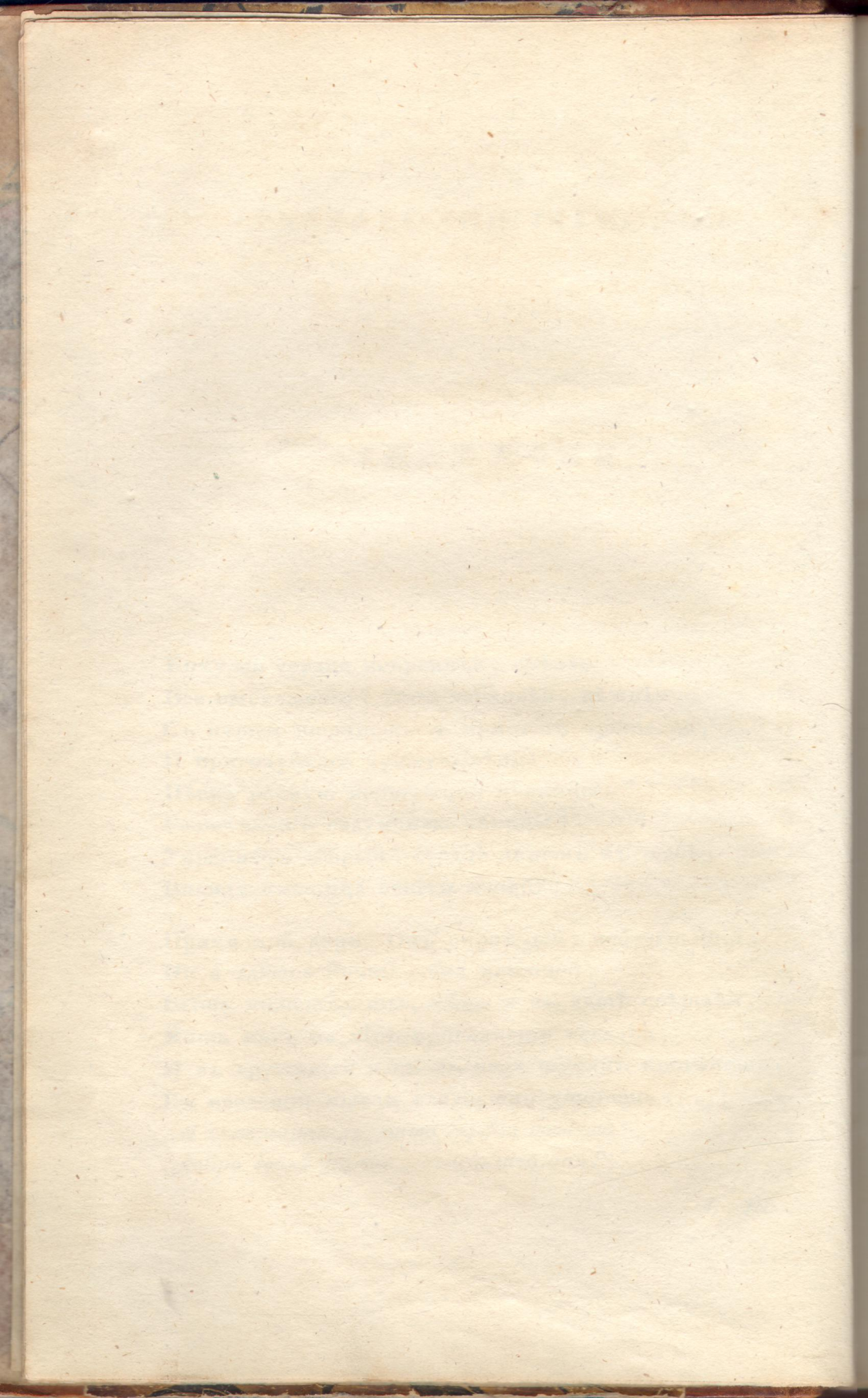
НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

ВЕРДЕНУ

Кому же сердце искренный, смѣле
Все выскажешь? Кто ласковый, нѣжны
Съ пухей тернистыхъ приметъ пришеда,
И приголубишь чуждую вѣнца
Пѣснь робкую неопытной цѣвницы,
Развеселишь задумчивы зѣвницы?
Украинецъ добрый! сердце льнетъ къ тебѣ;
Внемли пиномца своего мольбѣ:

Прими мой даръ! Онъ скромный, неблещущій,
Но я вдаюсъ мечтъ меня, манящей:
Быть можешь, ты, къмъ я въ душѣ свѣдѣй,
Хоть мигъ на мѣръ проглянешъ веселѣй,
И въ грустный часъ съ чела шуманъ прогонешь,
Въ небесной мысли сладостно упонешь:
„Я счастливъ — мною сердце создано:
„Добро вълкъ помня, счастливо оно!“

ПРЕДИСЛОВІЕ.

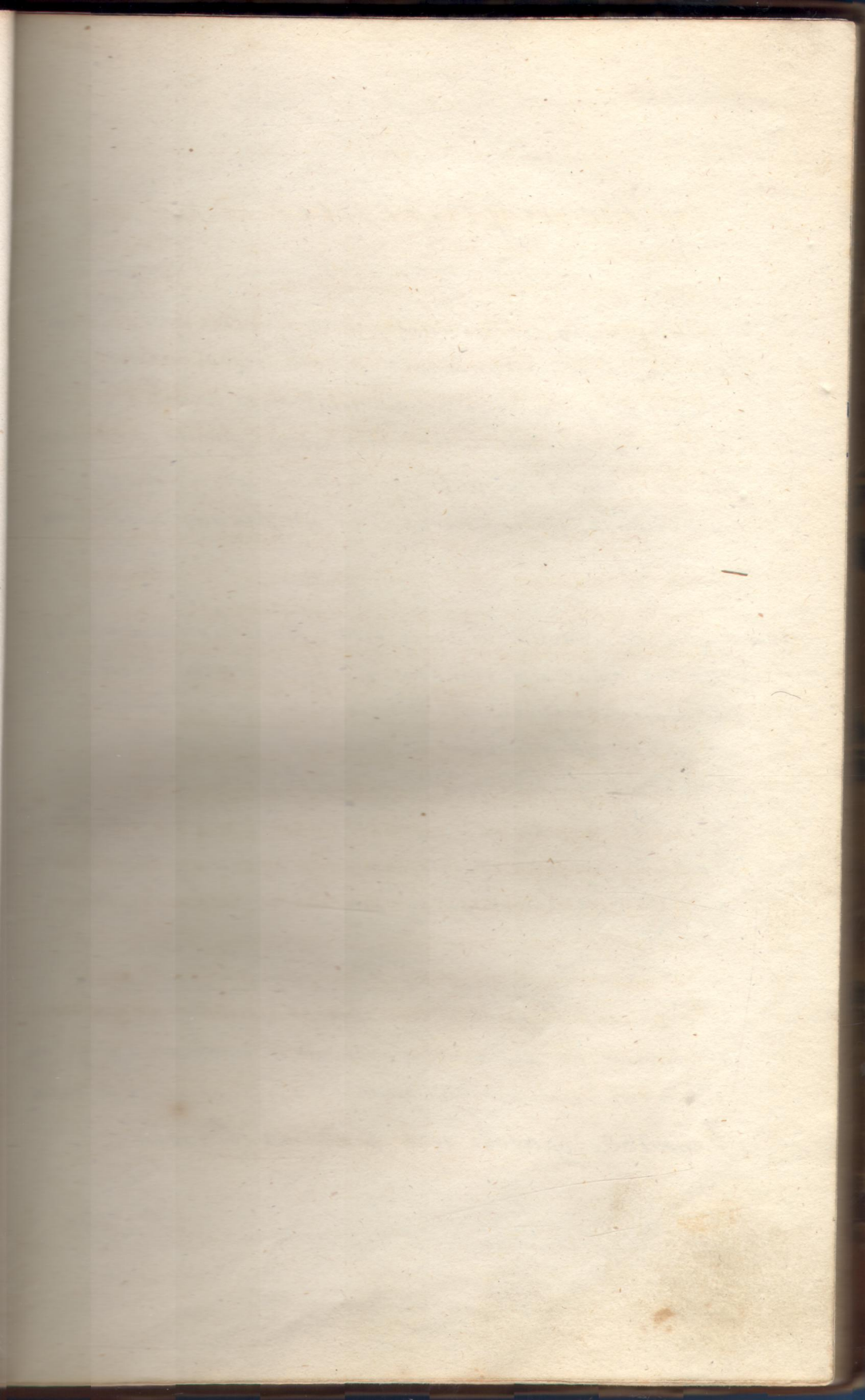
Мицкевичъ, неподражаемый въ своихъ Сонетахъ; поражающихъ, шо очаровашельно свѣшлыми, шо гиганшски грозными карпинами дышащими жизнью; изумляющій въ нихъ глубиною мыслей, спрашною пылкостью вдохновеннаго языка и безмѣрностью образовъ въ спошь шѣсныхъ очеркахъ, кажется недоступнымъ ни для кого — кромѣ самаго себя. Таковъ онъ и въ своемъ Валленродѣ, пошлько еще въ полнѣйшемъ объѣмѣ. — Чшо за характеръ! Нѣжное сердце дитяти, еще юное, уже упоено желчію черной мести, вливаемой въ него злобнымъ сѣдымъ Вайдушюкомъ (крещъ Липовскій). Замысль опимщенія врагамъ отчизны мужаешь съ юнымъ Липовдекомъ. Судьба на мигъ даешъ ему поблаженствовашъ въ очарованіи небесной любви, чшобы шѣмъ люшѣ растерзашъ его душу. Десять лѣтъ коваршвуя и убійстввуя, онъ уже близокъ имъ самымъ проклінаемой цѣли: пошраніемъ сана Христіанина и вождя уполишь неушолимую жажду кровавой мести. — Какія муки! Красшья еженочно на грушную бесѣду къ недоступному заключенію безцѣнной, пѣжной супруги, чрезъ него спрадающей; погибашъ, увлекаая въ гибель и ее, одну кѣмъ онъ жилъ, дышалъ; прекращашъ

VI

ядомъ помилительную жизнь — съ мыслию о вѣчномъ проклятіи своемъ на землѣ и на небѣ! — Пламенный поэтъ Польши, создавшій силою своего генія сей дивно глубокій характеръ, не уронилъ его въ изображеніи. Счастливое соединеніе созданія и выраженія увѣнчало общимъ воспоргомъ сіе произведеніе, лучший цвѣшокъ въ вѣнкѣ современной Литературы.

Чѣмъ болѣе вникаю въ оное, тѣмъ живѣе чувствую смѣлость свою, избравъ его для перваго опыта. Впрочемъ, я употребилъ все стараніе, дабы не навлечь негодованія образованныхъ чисташелей небрежностью поропливой самонадѣянности, и меня ободряешь мысль, что какъ и слабая тѣнь можешь родить въ воображеніи понятіе о предметѣ: по образованная публика, не только восхищавшаяся самимъ оригиналомъ, но даже взглянувшая на сей переводъ, пойметъ всѣ трудности моего предпріятія. По нимъ она оцѣнитъ мой опытъ. Предаюсь справедливому суду. Каковъ бы онъ ни былъ, благоразуміе велишь воспользоваться онымъ, не увлекаясь ребячески опаснымъ и смѣшнымъ упрямствомъ авторскаго самолюбія.

Переводчикъ.

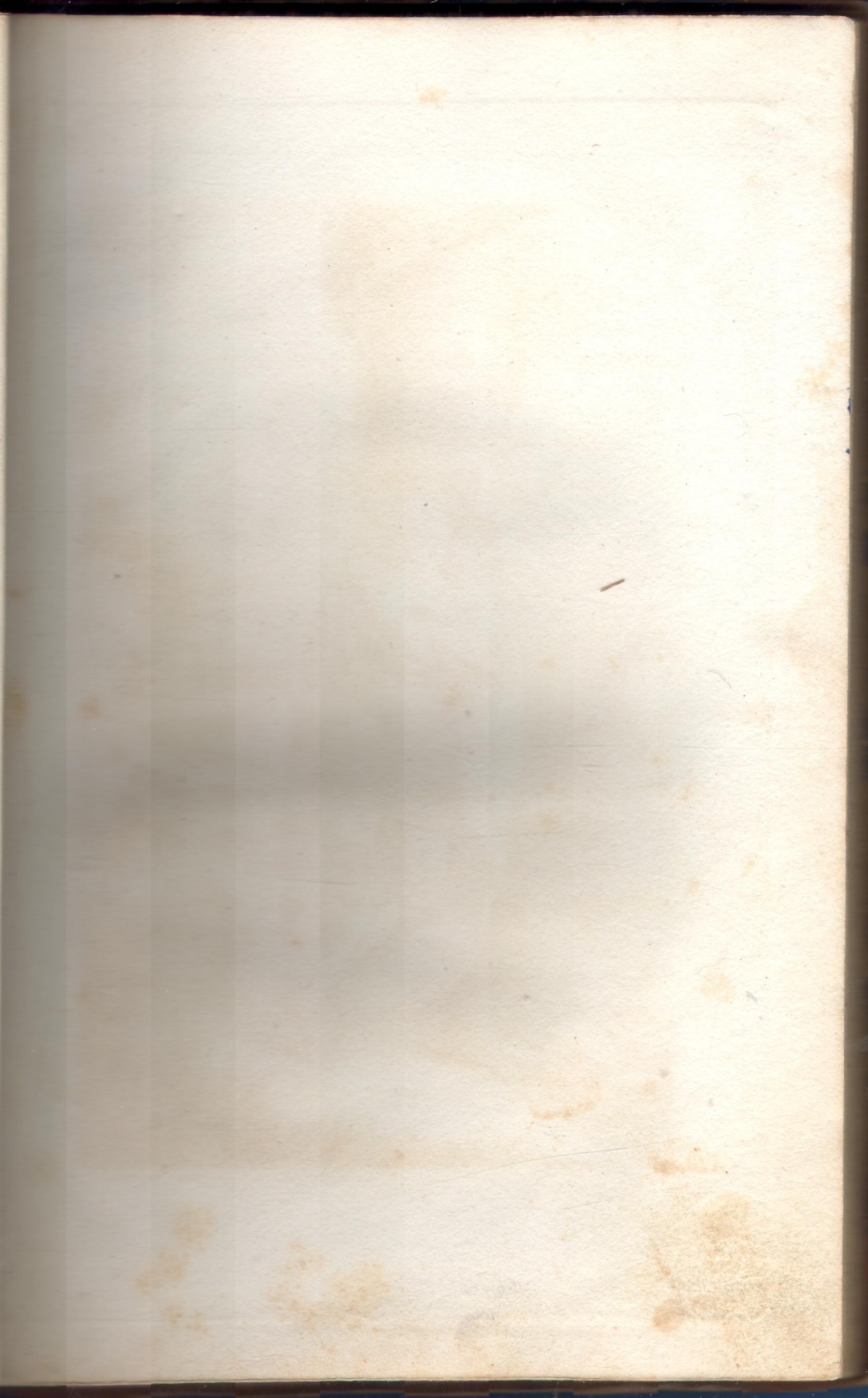

Вступленіе

Сто лѣтъ истекло, какъ Орденъ преставилъ
Помощи въ изысканіи провъ проливалъ;
Прусскія уже вѣно склонили подъ оковы,
Мѣ съ родины бѣгствомъ имъ друзей согражданъ;
А Мнише дружидѣ преслѣдовавъ снѣгъ,
Промилъ, помилъ до Литовскихъ предѣловъ.

Плоха Мнише дѣлится Литву отъ враговъ:
Памя камишъ, на брѣгъ, видѣются плавы;
И роизъ шумѣтъ — предвѣдѣние боговъ;
А здѣсь, на другомъ, возносѣсь величаво,
Крестъ, знаменье Мнишевъ, высоко горитъ,
Къ Литвѣ простираетъ грозѣщи райскія,
Какъ будишь хотѣла всю страну Памеюча
Обиравъ съ высотъ и по брѣгъ покоритъ.

Памя видѣвъ Литовцевъ младыхъ на прибрежьи
Помилъ: въ рѣсвишъ шаткадѣ, воедѣсвишъ Медвѣдѣ,
Отъ сукани на тѣлахъ, съ стрѣлами въ рукахъ,
Видѣдѣ, враговъ ихъ сѣдѣтъ вѣдѣтъ.

КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сто лѣшь ужь Орденъ Крестоносный шонешъ
Полночнаго изычества въ крови;
Уже Прусакъ въ цѣляхъ позорныхъ спонешъ,
Иль горестный, бѣжитъ друзей, любви
И опчихъ нивъ, гдѣ до Липовскихъ граней
Разносятъ смерть и пренешъ Христіане.

Лазурный Нѣманъ — гранью двухъ враговъ.
Здѣсь рядъ божницъ вѣнчающъ берегъ зыбучій,
Шумящъ лѣса дремучіе боговъ.

А за рѣкой, челомъ пронзая шучи,
Тевтона крестъ блискалъ на высотѣ,
И опверзалъ Липвѣ зловѣщо лоно,
Какъ бы грозя все племя Палемона,
Вдругъ охващивъ, увлечь къ своей пятѣ.

У ближнихъ волнъ, Липовцевъ юныхъ рой
Слѣдишь коней Нѣмецкихъ бѣгъ крылашый —
Въ десной, пукъ стрѣлъ; на рамѣ, лукъ шугой;
На шапкѣ, рысь; покровъ, медвѣдь космашый. —

А шамъ Тевшонъ, возвѣявъ шлемъ пернатый,
 Прилишъ къ сѣдлу, закованъ въ мѣдъ и спаль,
 То чепки бралъ, шо заряжалъ пицаль.
 По вражьемъ спану орлимъ окомъ рыщешъ
 И черезъ Нѣманъ переправы ищешъ.

Такъ Нѣманъ, мира древній другъ,
 Съ любовію, сближавъ народы,
 Спалъ нынѣ прагомъ смерши, мукъ;
 И не преплышъ чрезъ заповѣдны воды,
 Не потерявъ иль жизни, иль свободы.
 Лишь Прусской пополюю манимъ,
 Липовскій хмѣль, плѣненъ прекрасной,
 Все такъ же льнешъ на брегъ опасной
 По вербамъ, правамъ водянымъ;
 И пересплавъ, вѣнкомъ своимъ
 Румянымъ, голубыя волны,
 Совьется съ ней, восшорга полный.
 И къ соловьямъ Запущанъ - горь,
 Ведя Липовскій разговоръ,
 Летающъ соловьи Ковѣнской роуи пѣмной;
 Иль, вольные, игриво воспаряшъ
 И оспрова зелены огласяшъ
 Любви мелодіей чарующей и шомной.
 А люди? — люди дышущъ лишь враждой!
 Липвинъ и Прусь давно въ бояхъ мяшежныхъ

Здравь владникъ Амнезий, похитивъ броней,
Во шлемъ, недвижимо стоитъ надъ ркою;
Во станъ браний направо внимательный глазъ,
Нищель зарекаетъ, по сетканъ молдав.

А ты и другіе стрелы переправы.
Мая Майскя, виллавиный в мильвиный виллавиный
Триаксий братиный народова державы,
Для миль уолемилъ былъ виллавиный прага:
На кнѣ не мильасъ виллавиный миль свобода,
Не миль преступитъ заповѣдани въ вѣдъ.
Миль виллавиный мильвиный мильвиный мильвиный,
Мильвиный мильвиный мильвиный мильвиный мильвиный,
Во виллавиный мильвиный мильвиный мильвиный,
Какъ виллавиный мильвиный мильвиный мильвиный,
А виллавиный мильвиный мильвиный мильвиный,
Мильвиный мильвиный мильвиный мильвиный мильвиный.
Мильвиный мильвиный мильвиный мильвиный мильвиный,
Мильвиный мильвиный мильвиный мильвиный мильвиный,
Во виллавиный мильвиный мильвиный мильвиный,
Биллавиный мильвиный мильвиный мильвиный,
А виллавиный мильвиный мильвиный мильвиный.

А люди? — Война раздѣлила мильвиный!
Завиллавиный мильвиный мильвиный мильвиный

Забвѣна; онакоже и люди млодоузо
Слѣпопознотся чѣсному. А змиа двурѣ жакна...

О Милени! уми скоро приидутъ твои воины
Съ мечемъ и огнемъ ополченѣхъ враговъ;
Твоя изащенива до сего брѣговъ
Съ кривою вѣнча^{но}ется зеленѣй;
Громъ битва изречетъ Соловѣю изъ садовъ,
И все, что связала Божья природа,
Все то разорвется враздоу народовъ,
Все, все; — но вѣнчаемъ сердца соприимѣе
Вино въ нѣспѣхъ согласивъхъ нѣвежъ Вѣнчаемъ.

Д. Ф.

I

Изображеніе.

Поклоненію въ градѣ Маріинѣ (1) звонѣхъ,
Звучатъ барабаны и пѣньи прелестны;
Настаетъ день великій гдѣ Оргеномъ Божіимъ,
Помысли въ столицу спланиать отъ Бѣлы мѣстѣ,
Да съ помощію Корней святой Богородицы,
Во соборѣхъ обидѣхъ рѣшатъ и въ соборѣхъ.

Попрали дружбу; лишь любовь порой
Мирить и ихъ. — Я зналъ два сердца нѣжныхъ.

О Нѣмань! нѣтъ, ты не удержишь ихъ,
Губителей, несущихъ смерть, оковы.
На берегахъ лѣлѣмыхъ твоихъ
Пожаръ испепелилъ зеленые дубовы,

Припопчешь конь ковы луговъ,
И бранный гулъ разгонишь соловьевъ,
И вражій мечъ злащую цѣпь природы
Распоргнишь. Такъ! враждебные народы
Распоргнушь все; но спрасныя сердца
— Вспылають вновь въ гармоніи пѣвца.

I.

ИЗБРАНІЕ.

Въ Маріенбургѣ гулъ и звонъ (1),
И пушекъ громъ, и бубновъ спонъ;
Въ лучахъ поржеспивенной денницы
Спѣшашъ ошвсюду Рыцари къ сполницъ.
Съ мольбой, совѣтъ Комшурами ошкрытъ:
Чьей мечь Петра вругить десницъ,

Ты перси крестъ великій озаритъ (²).

Два дня сомнѣнье въ сонмѣ бродишь,
И многихъ Капишуль находишь
Вполнѣ достойныхъ чести сей,
Дивяся подвигамъ мужей,
И чтя въ нихъ древность, знашность рода;
Но всѣмъ имъ, Ордена Совѣсть
Предпочиталъ Конрада Валленрода.

Невѣдомый, сынъ чуждаго народа,
Онъ славою полнилъ дальній свѣтъ.

Гренадыль Мавръ дай бой въ горахъ спремнисныхъ,
Иль Опшоманъ, на лонѣ безднъ пѣнисныхъ —
Въ пылъ боя, первый бурей онъ влещалъ;
На играхъ, мощный и суровый,
Лишь онъ чело свое являлъ,
Всякъ уступалъ вѣнокъ лавровый
И мечъ предъ нимъ въ смущеніи склонялъ.

Но въ цвѣтѣ лѣтъ, не славою лишь военной,
Гроза враговъ, онъ брашій былъ красой:
Онъ шруженикъ великій и смиренной,
Опшступникъ суеши мірской.

Не славень онъ, въ шолѣ двора ревнивой,
Рѣчами, гибкостию льстливой;

Тѣмъ гряди великихъ престоловъ озариться,
Кому мѣсть великій съ любовью вѣнчается. (2)
Во свѣтлыхъ текутъ продолжительны дни
и много мѣри воинъ въ составанье:
А всѣ одинаково знатнаго звѣнья,
и въ Орденъ равны заслуги они;
Но, много братій и голосъ народа
Поставили выше другихъ Кашемирова. —

А не въ Круссахъ не знаешь, пріиселекъ суфрей,
Во свѣтлыхъ (3) дѣлѣхъ прославленъ мѣрой.
Во сорокѣмъ или Кастинѣ и Мавроши сражаясь,
Тѣмъ вѣнчанъ славѣю на моряхъ,
Вѣнчанъ мѣрой въ бѣ и на вѣнчанъ стѣнахъ,
и мѣрой въ славѣ невѣрныхъ сраженій.
Вѣнчанъ мѣрой на мѣрѣхъ вѣнчанъ,
и сѣмъ забранъ инкрѣтъ похвалаетъ,
На немъ въ мѣрѣхъ сраженій на мѣрѣхъ поддержки,
и вѣнчанъ мѣрой вѣнчанъ уступается. —

Но не въ мѣрѣхъ мѣрой суфрей въ славѣхъ
Вѣнчанъ мѣрой орденъ въ мѣрѣхъ мѣрѣхъ;
Вѣнчанъ мѣрой великихъ достоинствъ мѣрѣхъ;
Вѣнчанъ мѣрой, славѣхъ, вѣнчанъ мѣрой свѣта. —

Кашемирова не было славѣхъ въ мѣрѣхъ мѣрѣхъ;
А мѣрой мѣрой, мѣрой мѣрой мѣрой;

Изъ мѣской горюхоты въ привавой борюхоты
Мечень не сдурнива въидиовавишия баронамъ;
Оттаманъ мѣстнѣвѣрскихъ отъ мѣдѣсть обрѣжъ,
Взисокія гвалыя, мѣслоу прѣнебрѣла,
И мѣслоу Мѣнеотирѣя, и прѣмѣсти въидѣла
Холодной дѣлитъ не даримъ отпѣды. —
Конпрадъ похваламъ равнѣдудимо вѣмѣламъ,
Таруицимъ мѣлоу и Бѣсѣрѣ Бѣзѣрамъ. —

*

*

*

Отвѣтствоватъ трудно-природа, отърода
Конпрада холоднохотѣи Бѣмѣи Вѣмѣи:
Отъ мѣлоу, — но вѣлоу его въ сѣдинѣ,
И давность сѣдинѣи мѣмѣи явлѣни.
Слухѣмъ мѣмѣи, когда онъ дѣмѣи
Задѣмъ сѣдинѣи мѣмѣи не прѣмѣи,
И вѣлоу дѣмѣи мѣмѣи мѣмѣи,
И мѣмѣи отъмѣи мѣмѣи мѣмѣи.
И дѣмѣи въ сѣдинѣи мѣмѣи сѣдинѣи мѣмѣи,
Какъ мѣлоу мѣмѣи дѣмѣи, мѣлоу мѣмѣи.
То мѣлоу мѣмѣи мѣмѣи мѣмѣи;
Но какъ сѣлоу мѣлоу, мѣлоу мѣмѣи,
Дѣмѣи мѣмѣи мѣмѣи въ сѣдинѣи,
Будѣи не сѣдинѣи мѣлоу мѣмѣи.

Онъ не пиналъ брони своей,
 Гнушался бунтовъ бытъ бойцемъ презрѣннымъ;
 И, спротивъ иноку съ юныхъ дней,
 Къ молвъ споуспой, къ благамъ браннымъ,
 Къ невиннымъ, чистымъ радостямъ мгновеннымъ,
 Онъ ледъ, мершвецъ: и милый дружбы смѣхъ
 Его спрашилъ, какъ смертный грѣхъ!
 Ни пѣснь пѣвца, ни взоръ прекрасныхъ
 Не прояснялъ шуманнаго чела;
 Его пугала похвала;
 Онъ не глядѣлъ на дѣвъ молодыхъ и спрашныхъ;
 Онъ ихъ рѣчей бѣжалъ, какъ чаръ опасныхъ.
 Рожденъ ли шакъ и гордъ онъ, и угрюмъ?...
 Чтò, мужъ молодой, дало тебѣ морщины,
 И раннй, грустный слѣдъ тяжелыхъ думъ,
 И томный ликъ, и блѣдность, и сѣдины? —
 Все въ сумрачномъ таинственно. Порой,
 Вманѣнъ игривой юностью небрежной,
 Онъ говоръ женъ внималъ, раздумно-нѣжной,
 И шушки оспрой шушкой отражалъ,
 И какъ игрушки дѣшамъ, разсыпалъ
 Красъ хвалы — съ холодною улыбкой.
 Но мигъ сей былъ случайною ошибкой:
 И какъ ничтожной рѣчи, иль молвъ
 Легко возжечь въ немъ спрашный пылъ мясешной!

Намекъ о долгѣ, о подругѣ нѣжной,
 О Крестоносцѣ, родинѣ, Лишеѣ,
 Внявъ, прочь веселье гналъ Конрадъ угрюмый,
 И съ содроганьемъ отворачая ликъ —
 Огнискъ и бурень, хладенъ вновь и дикъ —
 Тонулъ въ таинственныя думы.
 Иль санъ духовный такъ онъ свяшо чпилъ?
 Иль міръ-прельстившій такъ его спрашилъ?...
 Опъ міра — дружба лишь его улада,
 И лишь одинъ, души его опрада,
 Былъ другъ, одинъ съдой монахъ Альбанъ,
 Смирненнымъ сердцемъ украшавшій санъ:
 Конрада вѣрный собесѣдникъ,
 Унылаго спрадальца исповѣдникъ,
 Его душѣ онъ былъ святыней тайнъ,
 Счастливъ, счастливъ, кно въ жизни сей превращной
 — Лелѣемъ дружбой благодатной!
 Такъ первыхъ Рыцарей Совѣсть
 Судилъ о свойствахъ Валленрода.
 Одно яшно въ немъ — въ комъ ихъ нѣсть? —
 Конрадъ былъ врагъ мірскихъ суешъ,
 И буйного бѣжалъ народа;
 Но, совѣстью помимъ, порой
 Онъ започась въ глухой покой,
 Тоскуя, пилъ, въ забыши, много:

Нарвонна; интереса, долга и милой,
Налиея про крестовый поход, про мимию, -
Всё это веселье коприда любимо:
Улыбка то, вновь отбрасывая от себя,
И вновь ко всему становилась угрюмившись,
И впадала то предвещая в тайные души.
Быть может, она долгие годы вспоминала,
И сама воспринимала себя великою радостью,
Одной только дружба и впадала от сладости,
И только единого друга любила:
И дружбу свою и самого светлого, -
Нарвонна и Таллабана, молчаливого.
Таллабана в шепотом ^в покой раздвигая,
Коприда ему душу и сердце вторила.
Очастливый сон, и милая свинья земным
Мотом светом, что сдружилась убого со светом.

Тако суди коприда характер его
Умиле, в совете своем расставая,
Умиле он порою - да и ^в этого без того.
Коприда, тучи и думы. Вспомни презирая,
Во толпе не преклоняясь. Всегда не дремля.
Однако чуждым в покой одинокой,
Мертвостью сухого иль грустною любовью,
Во всем угнетенная и сканом она любила;

И въ часъ тотъ являлся онъ въ обратъ и вольно:
Въ тотъ часъ на лица его бинтовали, сурово,
Какъ-то ружьями боевыми рдуть;
Въ млада, отъ пера и ланъ потеснившихъ,
Собившихъ и когда-то лагуры хитавшихъ,
Вновь молний прерней огонь пламнющихъ:
Вздохъ горький выдохнуть изъ груди широкой,
Слезой перловой напоимится око,
Духа шлетъ шотамъ, юта и тени швотъ...
Языкъ его пьсень, пудрой, незнакомый, —
Но все шмощи дуги легко изъ поймуть;
Добовно ланъ въ изъ ушнцахъ гробовыхъ,
Добовно увидитъ пьвца предъ собой,
Семейна пашити изъ напреженихъ,
Погрѣвъ брови и бровь потупившихъ,
Какъ бы что-то возмущенъ изъ шудн земли...
И что-то его пьсень въ шмощи ошвотъ...
Оно швотъ въ шмощи, въ пьсень шмощи,
Сидитъ свои шмощи въ шмощи шмощи,
И что-то его шмощи? въ шмощи шмощи.

Но шмощи, шмощи и шмощи шмощи
Изъ шмощи шмощи шмощи шмощи;
Шмощи его шмощи шмощи, шмощи,
Какъ шмощи шмощи шмощи, шмощи.
Оно въ шмощи въ шмощи шмощи шмощи,
Одно шмощи шмощи шмощи шмощи-шмощи,
Оно шмощи шмощи шмощи шмощи шмощи,
Окромя шмощи шмощи шмощи шмощи.

И ликъ суровый, блѣдный, спрогой
 Зардился, мукой распалёнъ,
 Глаза большіе, голубые,
 Но тусклы, впалы въ дни молодые,
 Заблещутъ; вырвется изъ персей тяжкій спонъ,
 Слеза, какъ перль, на очи навернется,
 На люпню длань, и пѣснь изъ устъ польется.
 И чуждыми словами онъ поешъ,
 Но сердце нѣжное безъ словъ его поймешъ.

Внимая гробовое пѣнье,
 Довольно зрѣшь пѣвца посклиивый видъ
 И памяши зловѣщей напряженье.
 Поднявши бровь, онъ быстро въ прахъ глядитъ,
 Какъ бы изъ безднъ исторгнуть что желаетъ.
 Что дикіе порывы окрыляетъ?
 Иль черною онъ думою слѣдитъ
 Свой юный вѣкъ среди обуреваній?
 Гнѣ онъ паритъ? — въ странѣ воспоминаній.
 Опчаянъ ликъ блѣдный грозно пѣмилъ.

И чужды всѣ, всѣ радости волненя —
 Спрутъ вѣщаго, въ восторгъ пѣснопѣня!
 Его напѣвъ лишь мрачный чароваль,
 Пугали радостные звуки,
 И внемлющій пѣвцу, волшебной полонъ муки,
 Все чувствовалъ — надежду забывалъ.

Когдажъ друзья заботой нѣжной
 Прервуть пѣвца покой мяшежной,
 Онъ въ яроспи сжимаясь и кипи,
 Пѣснь дикимъ спономъ прерывая,
 И любно въ препетѣ кидая,
 Вспоскуясь, по клянеть себя,
 И спрашною гремишь хулою,
 То будто рать ведетъ на бой,
 То другу шопонъ шлепъ глухой,
 То вновь грозить улыбкой злою.

Тревожны всѣ; сидишь сѣдой Альбанъ,
 И въ ликъ пѣвца, и дикій и багровый,
 Онъ попишь взоръ и хладный и суровый,
 Краснорѣчивъ и полнъ какихъ-то шайнъ.
 Совѣты ль выражалъ взоръ шарца, иль укоры,
 Иль препетомъ пронзилъ онъ грудь пѣвца;
 Но спынешъ жаръ пылавшаго лица,
 Чело яснѣешь, гаснушь взоры. . .

Такъ львиный спражь, когда Князей
 И дѣвъ увеселяють звѣри,
 Желѣзной клѣшки сломить двери,
 Запрубишь въ рогъ, и грозный царь звѣрей
 Вдругъ зареветь: все чуешь спрахъ мяшежной;
 Недвиженъ спражь одинъ споишь;

Не разъ къ нему братья вѣдунъ слухомъ,
И въ немъ перелетитъ дивный отърапъ.
Конрадо пробуждается и мѣломъ пишетъ,
Закладываетъ мѣломъ и пѣсень не пѣетъ,
И страшная всѣхъ произнесши пѣсень,
Отъ что-то Гамбалу шептаетъ охоту,
Крикнувъ на войска, выдвигаетъ повѣсть свою,
Ужасно грозный, неизвѣстно кому:
Тревожились братья, — Гамбала пугливъ вѣдунъ,
Садясь, въ лице углубился Конрадо:
Много взмездъ промизгательны, и много, суровъ,
Исполненъ таинственный рожъ дѣловъ.
Насилью или какой, иль советъ въ мѣло скрываетъ,
Иль въ сердцѣ Конрадо онъ сѣмь пробуждаетъ,
Но вдругъ его насильствѣмъ лице проявляетъ,
И таинствъ очей и слезъ погаситъ.
Таково на мѣлѣхъ приставникъ зѣвотъ:
Когда отъ доволенья и дамы и господъ,
Зомаетъ приметку обидѣи лавиной,
Мрубитъ и вдругъ царьвѣстнѣй зѣвотъ возрѣетъ,
И страшно иль грубо мѣлѣхъ рѣшетъ,
Отъ ужаса сердцѣ у зрителей бѣтѣя:
Приставникъ оне руки на перьяхъ скреститъ,

Спокою на мнѣ своемъ остаётся,
И мѣла, среди шума, очамъ разитъ;
И сила таинственная природы разумной
Порывы смирятся мочи безумной. —

II

Морюшествено въ Градѣ Маріи збожства.
Мѣла раба Собора ко краю сѣмьства:
Великій Капитанъ и мѣлѣтѣе сама
Вѣщеники, брань и рыцари рѣдотъ.
Вечернюю службу вѣщаетъ Соборъ,
И дугу Святому мѣлѣтѣе поэта. —

ТРИМѢ.

Дуга, вѣща превѣтнаго. 'Всѣхъ Сіона!
Мѣла подножие твоего прѣона,
Мѣла Христіанскій, вѣщотъ огаръ,
Крѣпость мѣла браньей Сіонскій просѣри.
Да мѣла мѣла крѣпость твоя свѣтъ воздѣе
Солнца мѣла огневица,
И мѣла достойный, мѣла колѣбница,
Дуга мѣла вѣщотъ убожства,
Да, мѣла мѣла, мѣла мѣла убожства,
Крѣпость твоя крѣпость мѣла мѣла!
Сіонъ мѣла мѣла. 'мѣла мѣла

Привычный, спорожигъ небрежно,
И мощно — взоромъ льва разигъ,
Безмерпья силою чудесной
Сковавъ мощь швари безсловесной (3).

II.

Вечерній звонъ коснулся братій слуху.
Архикомпуръ (4), и Рыцарей соборъ,
И весь Совѣщъ вступаешъ въ храмъ; и хоръ
Священный гимнъ поешъ Святому Духу.

Г И М Н Ъ.

Воньми, воньми, Надзвѣздный! бреңію —
Христовыхъ воиновъ моленію :

Духъ Свящъ! предвѣчный свѣщъ! тѣму сердца озари;
Сіона голубъ чистый!

Крылъ надъ братіей Сіона распростри.

Какъ солнца лучъ огнистый,

Опъ крылъ Своихъ пролей зари.

Да ликъ святаго возсіяешъ,

Чело вождя зря вѣнчаешъ :

Его крылъ Твои пріимупъ въ сѣнь любви —

И, земнородные, мы въ прахъ предъ нимъ главы.

О Сынъ! Спаситель!

Всемощнымъ маніемъ яви,

Кпо вѣры доблесный ревнитель.

Богъ! Слово! Искупитель!

Символь Твоихъ Спраспей украси грудь шого,

Кпо, вождь съ мечемъ Петра и воинъ,

Въ грозу нечестія, развишь въ поляхъ достойнъ

Хоругви Царства Твоего!

Да всякъ склонитъ чело и сердцемъ воспрепещетъ

Предъ тѣмъ, на чьей груди звѣзда креста возблещетъ.

* * *

Воспѣли гимнъ; и въ поздній часъ

Вновь мѣдъ гудитъ; вновь къ небу гласъ

Мольбы: да озаритъ лучъ свѣта

И Рыцарей, и всѣхъ мужей Совѣта.

Пошли ночной прохладой подышать.

Тѣ на холмѣ въ раздуміи сидятъ,

Топъ по саду, полянѣ, рощѣ бродятъ.

Ночь шихая, весенняя свѣшла.

Передъ зарей блѣднѣетъ робко мгла,

И звѣздный царь съ полей сафирныхъ сходитъ,

И въ облако, по ясеню, по унылу,

То въ темное, по въ сребренное входитъ,

И блѣдный ликъ, шихъ, одинокъ, склонилъ.

Днесь мановенным, манамь одного,
Кто всеня достойный ны сонма сего.
Знаменне таоржиет спираданій,
Во мнѣ тобой претерпѣвше, мѣстѣ;
Волнству вѣры твоея недровнѣ, мѣстѣ предводитъ,
И предъ неваривше очамъ
Грозной десницею развѣтитъ,
Синѣ твоей дивное тѣмъ;
И како права главу передъ тобой да склонитъ,
Твою вѣгда престная. мощную предъ очамъ!

*

*

*

Склонивши вѣнны. Каштунъ рѣшилъ:
По отбѣдѣ, слова въ дому благодати
Собравшись помолитъ, что въ Богъ вразумитъ
Совѣта души и свѣдѣство и браней. —

Почили освѣщенныя прохладой ночью.
Одни передъ данкомъ крѣпко оступили,
Другие въ садѣхъ и по прощанъ бродили;
Ночь тихая, майской дѣвчана красой,
Неварное утро вѣнны въ отдаленны;
Луна обласна голубая помя,
То въ облакъ тѣмномъ, то въ свѣтъ прояснѣнъ,
И часто мѣняе лицо средъ теченъ,
Почила главой одинокой своей.

Мая юный любовник, вдали от людей,
Во смертной обители, мучимого горе,
Вывел надежды и радости и горе, —
То слезы уронит, то валия нета ясный,
И в дружбу усталой тело молодое
Склонив, упадает в забвенье ильное.

Мелк тпмт, какъ другіе ухаютъ Жолтой,
Великій Контуръ, (5) ни минутъ не тратя,
Тамбана и тпмт, кто знаетъ ихъ Братій,
Сзываетъ, и вѣтъ ихъ уводитъ съ собой,
Давъ удачу отъ воровъ содранья,
Совѣтъ примать и отдавъ приказанья.
Выводятъ ихъ голма, къ равнине стпмать,
Нутти не держася, асень содой говорятъ,
И долго блудятъ въ поляхъ оловной,
Где озеро тпмт недринъ въ берегахъ.
Нора уанъ въ столицу: свѣжо въ небесахъ
Вдругъ голосъ — откуда? Ихъ бачимъ углоной;
Внимаютъ, — пуетъ и тпмт рѣчь то Биса.
Молу уанъ и тпмт десять, какъ вѣтродъ Маринъ,
Святая олена, (6) перекъ земли пусий,
Безвѣстная родитъ и вѣнчаетъ приима.
Вонамъ она неба бжанимъ. Вдохновенелъ
На подвигъ спасительный сей призвана,
Имъ любаемъ быть совѣсти мрачной мученой
Сидящъ покаянь въ мелахъ, она

Такъ юноша въ пуспынь — грустный, шомной
 И сумраченъ — меншой былаго шёмной
 То горести, шо радости слѣдитъ;
 То слезы льетъ, шо весело глядитъ;
 И истомленъ, совздохомъ грушнымъ, шруднымъ,
 Почіетъ сномъ — спрадалецъ — непробуднымъ.

Безпечные гуляли въ шъмъ ночной.

Но въ важный часъ Архикомшуръ не дремлетъ.

Забоша духъ его объемлетъ;

И въ думъ съ нимъ Альбанъ сѣдой.

И мудрыхъ Рыцарей съ собой,

Незримы суешной толпой,

Они въ тиши на лугъ уводятъ;

И вошь, въ раздумьи тихомъ бродятъ

У ближнихъ рощей, у дубровъ

И сонныхъ озера береговъ.

Къ разсвѣшу лушь къ сполитѣ направляють —

Чу! — ропошъ, спонъ! — Припишли и внимають —

Откуда спонъ? Съ угольной башни. Чей?

Пустынница невѣдомая въ ней.

Лѣтъ за десятъ, сироткой одинокой,

Въ Маріинъ градъ, съ печалію глубокой,

Она пришла ⁽⁵⁾. Внушило-ль небо ей

Свяшой обѣтъ; иль совѣспи шерзанья

Врачуя, бѣдная, бальзамомъ покаянья,

Запворицей хотѣла бытъ она?

Свершилося: жива погребена!

Такъ! Рыцари ей долго не внимали;

Но грубною умилены мольбой,

Пріюпъ въ пустынной башнѣ дали.

Но лишь прешла порогъ святой,

Навалены каменья за порогомъ.

Одна она шамъ съ думами и Богомъ.

И кроющу ее огнь міра сѣнь

Лишь Ангелы отверзупъ въ Спрашный день.

Въ окно съ рѣшоткою желѣзной,

Ночь дышетъ свѣжестью, день ронишь лучъ небесной,

И набожный народъ шлетъ хлѣбъ насущный ей.

Несчастливая! Ужель мясехъ спрасстей

Такъ юный умъ встревожилъ въ ней,

Что грѣшницѣ, крушимою бурей міра,

Спрашны и Божій свѣтъ, и вѣянье зефира!

Ни кто не зрѣлъ ее, унылой, подь окномъ,

Дышавшей свѣжимъ вѣтеркомъ,

Глядѣвшею на сводъ лазури ясный,

Красу дубравъ и вешній цвѣтъ прекрасный;

Ее пугаль и видъ одинъ людей.

Отмолвил, и убоишюю приотъи молила,
И стала съ Баимъ при оушюи молиной.

Связанным долго претили ей то,
Но порок мочений сиегому вьданы,
И ^вбашни токой одинокой ей даны.
Едва за пороги преступила вьзвон,
Не медля его залочила калиткою,
Осталась лишь в Богонь она и мьвняему,
И дверь, что ей отъ ошвущихъ бьждетъ,
Лихъ Ангелъ во дьвстрашный судъ ошпретъ.
Окошко въ ртисеткой вьверху недвижное:
Много въ туду погаше несетъ,
А небо свой вьтрь и сьдше дьвное.
Иль, бьдная грѣшница, мьдши свѣтъ
Тако юное сердце твое ошладилъ,
Что солнце и вьдуръ твою ошоствилъ?...
Огъ твоею поръ, какъ въ свой гробъ зашлосна вьбонъ,
Ни кто не вьданы, что въ когда триминала
Въ усага вьзвонъ вьвѣро; ма небо вьзираю,
Въ чудесной его мьнотѣ, мьв ошма;
Мьвнялась въ вьтвонъ земли бьдной нашей,
Иль мьвнаны бьвѣрныя - вьвѣрныя сьмьвныя крашъ.

Ужасно о ней думаетъ въ снѣхъ: не разъ,
Когда Минерва, въ часъ ночной задумавъ,
Возникъ во кругъ башии, какой-то звукъ слышитъ
Его на любовное удерживать силой:
То бѣитъ, вѣроятно, звукъ плечи свѣтлой!
Когда онъ собравшись изъ сѣнь тусклыхъ дѣтъ,
Играетъ въ дубровѣ вечерней порой,
Во этотъ часъ изъ окна что-то бѣжитъ свѣтъ,
Какъ будто отливъ восходящихъ лучей:
Затаривъ на порогахъ вѣсковъ ея разрывавъ,
Ихъ, шлохотъ бѣжитъ, вѣскъ ея рука тиснула въ плечо,
Ногъ явивъ се любовью надъ плечами ея...

Полнѣе продохъ ускоривъ движеніемъ
Словъ твоихъ, башии, внимаетъ словамъ:
"Полнѣе! это твѣмъ? обидѣ назначенье!
"Твѣ будешь Министромъ на сидѣхъ Врагамъ!
"Зачѣмъ не узнаешь? напрасно скрывать:
"Хотѣлъ бы твѣ и тѣмъ, подобно змѣи,
"Смѣяться, — и тогда бы въ тебѣ много оцѣнилъ
"Твоего много, какъ остался во мнѣ!
"Хотѣлъ бы твѣ вернута изъ самой смерти,
"И твѣ Крестомъ своимъ твѣ бы открытъ."

Внимаетъ тусклѣйшимъ рыцарствомъ,
Блуждаетъ на рошети: все по нѣмъ какъ будто

Жива еще — извѣстно лишь о ней:

Прохожаго у башни той унылой

Какой-то звукъ шамиспвенный и милой,

Въ ночной тиши, останавлиая порой.

То вѣрно гимнъ она поетъ святой.

Когдажъ малюпки шамъ сбѣжались,

И въ роуцъ въ сумерки рѣзались,

Вдругъ что-то за рѣшоткой той

Блеснешъ, какъ упра лучъ небесный.

Янтарь ли по ея кудрей?

Иль персты снѣжны и прелесны

Благословляють миръ дѣшей? —

Компуръ приникнулъ къ ели съ повеликой,

И чушко внемлешъ — спонъ изъ башни дикой:

„Тыль, мой *Конрадъ*! сопрешъ гордыни рогъ?...

Ты ль ихъ Магистръ? Увы! свершился рокъ!...

Тебѣ ль? — О, нѣтъ! — Чтò кроеешь напрасно?

Хотя бъ иной шы принялъ видъ, какъ змѣй;

Но много все, какъ и въ моей несчастной,

Былаго бы нашлось въ душѣ твоей.

Въ могилахъ даже, въ нѣдрахъ шмы глубокой,

Тебя познаешъ Крестоносца око!“

Внимая дивнымъ Рыцари словамъ,

Глядяшъ въ окно: — уныло къ берегамъ

Пустынища объявляя, просишрала,
Но кто же шамъ? — Вкругъ пусто; лишь порой

Вдали мерцаль освѣщъ спальной,

И по долинь шѣнь мелькала.

Но блескъ исчезъ, и шѣнь пропала,

То глазъ обманъ: зари молодой

То вѣрно лучъ, блеснулъ румяный.

Вкругъ ранніе дымилися шуманы.

Друзья! возждемъ, вѣщаль Альбанъ, мольбы:

Насъ привели сюда небесъ судьбы.

Внимали ль вы таинственной вѣщанья? —

Почтимъ жены пустынной прорицанья (6):

Ея Конрадъ — безспрашный Валленродъ;

Да будещъ же онъ нашъ Магистръ Великій!

И дружно длань братъ брапу подаетъ;

И раздалися торжественные клики.

Пошли; спокрасть кликъ роца опдаешъ

И вторишь долъ и тихій брегъ зыбучій:

Да здравствуетъ Конрадъ могучій!

Да гибнешъ врагъ! да Орденъ процвѣшешъ!

Альбанъ одинъ споишь; и въ думу погруженный,

На восклицających бросаетъ взоръ презрѣнный;

На башню грустно поглядѣлъ,

И тихо, уходя, запѣлъ:

Кто руки простёр... но къ кому еще? — Кенгеръ
и нуди въ огрестности было въ тотъ часъ.
Лилив толико ^{въ дашу} освятилась ровнина
Какъ будто бы отдалескомъ ^{мнѣ} ~~отдалескомъ~~ ^{отдалескомъ}, а такъ
Какъ тѣмъ на земли — мѣ то маизъ Маладима?
Пропало... итти, то мѣмъ казалосъ очамъ:
То вѣрно дѣлншзъ дѣлншзъ вѣрѣ ружншзъ,
То раннѣ вѣрно проишзъ тужншзъ...

„О Братвѣ! Савбана река, — а вана небесаи;
Конечно къ мѣстамъ снѣмъ мѣмъ призываю — мѣмъ!
Моври ^{мѣ} ~~мѣ~~ нѣмъ мѣмъ вѣншзъ словашъ,
Вѣ савно Конрада зѣмъ словашъ мѣмъ;
Такъ спаднаго ^{въ качѣ} ~~савна~~ ^{савна} Мамленова робутъ.
Это, елико и руку и слово мѣмъ дашъ,
Тмождъ бѣмъ ошъ, какъ завтра Савна содерѣтъ
Мамленова. 2^я (7) Да будетъ еще. Братъ Вирна...

Потомъ, вѣншзъ; и дѣло въ посяда
Тремъ мѣмъ мѣмъ и радости мѣмъ:
Да здравствуетъ Орденъ и Мамленовъ Великий
Конрадъ! да нѣмъ еще явѣмъ въ правѣ.

Савбана мѣмъ ошъ въ мѣмъ мѣмъ
Взглянуть на крѣпавшзъ очамъ мѣмъ;
Но дашъ мѣмъ ошъ вѣншзъ мѣмъ;
И тѣмъ, удалясь, такъ рапѣмъ:

Вилія, царица пошковых родныхъ,
 Лазурная, льещая въ пескахъ золошыхъ;
 Къ ней ходишь Липвинка, зарями денницы,
 Какъ Ангелъ невинна, въ красть чаровницы.

Къ Виліѣ, средь вешнихъ Ковѣнскихъ полей,
 Лнушъ розы и помный нарцисъ бѣлоснѣжный;
 Предъ юной Липвинкою юноша нѣжный,
 Нарцисовъ, пшольпановъ и розы милѣй.

Вилія презрѣла долину съ цвѣтами:
 Лазурную Нѣманъ роскошный прельспилъ;
 Такъ юноша чуждый Липвинку плѣнилъ
 И грустно Липвинкѣ молодой съ Липвинами.

Вилію, въ объятіяхъ спрасныхъ своихъ,
 По дебрямъ, вершепамъ, кремнистому склону
 Мчишъ Нѣманъ, прижавши къ холодному лону,
 И, бурный, онъ гинешъ съ ней въ безднахъ морскихъ.

О бѣдная дѣва! по юношѣ спонешъ;
 Но онъ себя сманишъ съ родимыхъ полей,
 Въ чужбинѣ погибнешъ и ты, — но грустнѣй! . . .
 Но въ безднѣ забвенья одна ты утонешъ.

Напрасно Виліѣ и дѣвѣ грозишь —
 Кто спрасному силенъ велѣшь разлюбить? —

Вилія влюбленная въ Нѣманъ спонешъ;
 И въ башнѣ пустынной красавица спонешъ.

